

ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ ОТ АВТОРОВ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«МУМИЯ» И «ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ»

Жизнь Реджиналда Рамзи ничем не отличается от жизни обычного англичанина XIX века. У него есть прекрасная невеста Джулия, он состоятелен и уважаем. И никаких пятен на безупречной репутации. Однако Реджиналд скрывает тайну: на самом деле он — великий египетский правитель Рамзес, возродившийся с помощью эликсира бессмертия.

Так же он возродил могущественную и прекрасную царицу Клеопатру против ее желания. Но ни Рамзес, ни Клеопатра еще не знают, что незримой тенью над ними нависла сила, которая может даровать вечную жизнь. Или забрать ее...

Потрясающее сочетание жанров исторической фантастики, фэнтези и любовного романа!

Booklist

Здесь есть все: романтика и предательство, страсть и авантюры. Вы будете восхищены!

Publishers Weekly

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4965-3

9 786171 249653

ЭНН РАЙС КРИСТОФЕР РАЙС

СТРАСТЬ КЛЕОПАТРЫ

ЭНН РАЙС
КРИСТОФЕР РАЙС

СТРАСТЬ КЛЕОПАТРЫ

Anne Rice
& Christopher Rice

Ramses
the Damned:
The Passion of Cleopatra

A Novel

Энн Райс
Кристофер Райс

Страсть Клеопатры

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
P18

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:

Rice A., Rice C. Ramses the Damned: The Passion of Cleopatra :
A Novel / Anne Rice, Christopher Rice. — New York : Anchor Books,
2017. — 416 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайн обложки *агентства «Тим+»*

ISBN 978-617-12-4965-3
ISBN 978-1-101-97032-4 (англ.)

© Anne Rice, Christopher Rice,
2017
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худо-
жественное оформление, 2018

Эта книга представляет собой художественное произведение, и все встречающиеся здесь имена, персонажи, географические названия и истории либо созданы воображением авторов, либо используются в целях повествования. Поэтому любое сходство с конкретными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями или местами — это просто совпадение.

Каждый из создателей книги, и Энн, и Кристофер,
посвящают этот роман своему соавтору,
а также всем подписчикам их странички в Facebook.

ПРОЛОГ

В 1914 ГОДУ газеты пестрели заголовками о блестящей находке британского археолога, обнаружившего в одиночном царском захоронении вблизи Каира расписной саркофаг с мумией величайшего египетского монарха и, помимо этого, обширную коллекцию ядов, а также некий дневник на латыни, написанный во времена правления Клеопатры и состоящий из тринадцати свитков.

Зовите меня Рамзес Проклятый. Ибо это имя я дал себе сам. Но когда-то я был Рамзесом Великим, царем Верхнего и Нижнего Египта, истребителем хеттов, отцом множества сыновей и дочерей, фараоном, который правил шестьдесят четыре года. Мои статуи высятся по-прежнему, стелы напоминают о моих победах, хотя прошла уже тысяча лет с тех пор, как я, смертное дитя, появился из утробы матери.

О, время давно похоронило тот фатальный миг, когда я принял от хеттской жрицы проклятый эликсир. Мне следовало прислушаться к ее предостережениям. Но я жаждал бессмертия. И потому выпил кубок, до краев наполненный тем зельем...

...Как мне нести это бремя дальше? Как выдержать бесконечное одиночество? Тем не менее я просто не могу умереть...

Так писало создание, утверждавшее, что прожило тысячу лет. Оно дремало во мраке своей могилы, поскольку великие цари

и царицы его мира в нем не нуждались, но постоянно было готово воскреснуть по их команде, чтобы поделиться своей мудростью или дать им совет. И так длилось до тех пор, пока гибель Клеопатры и всего Египта не отправила его на вечный покой.

Эта легенда породила во всем мире поистине фантастические домыслы, преимущественно из-за того, что Лоуренс Стратфорд, первооткрыватель этой тайны, умер в той самой гробнице в час своего величайшего триумфа.

Джулия Стратфорд, дочь знаменитого египтолога и единственная наследница его судоходной компании, привезла злополучную мумию вместе с таинственными свитками и ядами в Лондон и в честь великого открытия своего отца выставила все это на всеобщее обозрение, устроив частную экспозицию в своем доме, расположенном в районе Мейфэр. Через несколько дней кузен Джулии, Генри, сделал сногшибательное заявление о том, что мумия якобы восстала из своего саркофага и попыталась его убить, после чего по Лондону поползли разговоры о проклятии мумии. Не успели еще утихнуть эти слухи, как Джулия появилась на публике вместе с таинственным синеглазым египтянином по имени Реджиналд Рамзи. Затем они вместе уехали обратно в Каир, при этом их сопровождали близкие друзья: Эллиот Саварелл (граф Резерфорд), его сын, молодой виконт Алекс Саварелл, а также пострадавший от мумии кузен Генри.

Далее последовали еще более шокирующие события.

Похищение из Каирского музея неопознанного трупа, ужасающие убийства среди европейцев — владельцев городских магазинов, розыск самого Рамзи каирской полицией и исчезновение Генри. И наконец мощный взрыв, оставивший после себя ошеломленных свидетелей и обезумевшего от горя Алекса Саварелла, скорбящего о судьбе несчастной неизвестной женщины, которая, убегая в ужасе из Каирской оперы, направила свой автомобиль под идущий поезд.

В такой атмосфере хаоса и неразгаданных тайн Джулия Стратфорд представлялась всем преданной невестой загадочного Реджиналда Рамзи, путешествующей по Европе со своим

возлюбленным, тогда как в Англии семья Савареллов искала объяснения отъезду графа Резерфорда и скорби Алекса по женщине, которую он столь трагически потерял в огне чудовищной катастрофы. Но слухи постепенно умирают, и газеты ищут новые сенсации.

А наше повествование начинается с того, что в загородном поместье графа Резерфорда вскоре должно состояться торжественное празднование помолвки Реджиналда Рамзи и Джулии Стратфорд, в то время как отовсюду, то там то здесь продолжают звучать отголоски истории про бессмертного Рамзеса Проклятого и его мистический эликсир, несмотря на то что само мумифицированное тело, привезенное в Лондон с такой помпой, уже давно таинственным образом исчезло.

...Как мне нести это бремя дальше? Как выдержать бесконечное одиночество? Тем не менее я просто не могу умереть. Ее яды не в состоянии причинить мне вред. Они берегут мой эликсир в сохранности, так что я по-прежнему могу мечтать о новых царицах, прекрасных и мудрых, которые пройдут вместе со мной сквозь последующие столетия.

Рамзес Проклятый

3600 год д. н. э.: Иерихон

— **ЗА НАМИ СЛЕДЯТ**, моя царица.

Бектатен не была царицей уже несколько сотен лет, но двое ее верных слуг по-прежнему так к ней обращались. Она шла пешком в сопровождении двух мужчин, и сейчас они втроем приближались к великому городу Иерихону.

Из всей царской стражи лишь эти двое отказались принять участие в мятеже против нее. И теперь, через тысячи лет после освобождения ее из гробницы, куда поместил ее вероломный первый министр, эти бывшие воины утерянного тогда царства оставались ее постоянными спутниками и защитниками.

Именно их теплое отношение к ней было для нее самым ценным. Ибо она познала одиночество, которое никогда не сумела бы описать кому-то другому, одиночество, с которым она давно смирилась, но тем не менее боялась, что однажды оно уничтожит ее.

В мире существовало очень немного такого, от чего ее следовало защищать. Поскольку она была бессмертна — как и ее спутники.

— Продолжаем идти, — тихо скомандовала она. — Не останавливаться.

Мужчины повиновались. Они подошли достаточно близко к городу и уже чувствовали пряный запах специй, доносившийся с рынка, скрывающегося за каменными городскими стенами.

Она была выше ростом большинства здешних жителей, однако оба ее слуги выглядели выше ее чуть ли не вполовину. По правую руку от нее шагал Энамон; его гордый нос был сломан в древней битве между племенами, давно вымершими. Слева шел Актаму; его круглое и немного мальчишеское лицо абсолютно не гармонировало с его таким поджарым мускулистым телом. Не важно, что никто не знал, откуда они родом, — бессмертие сделало их родиной весь мир. Сегодня они были одеты как торговцы из Куша — в обтягивающие бедра юбки из шкур леопарда, которые открывали их длинные ноги, и широкие золоченые кушаки, затянутые под широкой мускулистой грудью. Синие одежды, в которые была укутана она, давали ее изящным рукам свободу движений. Дорожный посох она несла исключительно из уважения к смертным: на самом же деле она не знала усталости и не нуждалась в отдыхе, столь необходимом обычным людям.

На дороге в тот момент ни впереди, ни позади них не было повозок, поэтому было неудивительно, что эти трое привлекли внимание множества глаз за городскими стенами; но, как сказал Энамон, к ним проявили интерес уже давно, и это было подозрительно.

Обернувшись, Бектатен через плечо увидела того, кто за ними пристально следил.

Кожа его была намного светлее ее собственной — такого же цвета, как у жителей этого города. Укутанный в свои одежды, он стоял на склоне бесплодного холма в негустой тени оливкового дерева. Он и не пытался прятаться. В позе его угадывалось предостережение, едва ли не угроза. Глаза у него были синие, такие же, как у людей, с которыми она путешествовала столетиями.

Такие же синие, как и у нее самой.

Это были глаза, цвет которых изменился с помощью эликсира, который она открыла тысячи лет тому назад. И это открытие привело к падению ее царства.

Он ли это? Неужели Сакнос?

Картины предательства ее первого министра не сотрутся и не потускнеют в памяти никогда, сколько бы времени она ни ходила по этой земле. И тот налет на ее покои, который Сакнос тогда совершил вместе с воинами ее личной стражи. И его требование передать ему формулу эликсира, открытого ею совершенно случайно; того самого эликсира, который позволил стае птиц бесконечно, без усталости кружить над дворцом.

Сакнос, красивый и задумчивый Сакнос. Она больше никогда не встречала таких преображений, подобных тем, что произошли с ним тогда, много столетий тому назад. Все значительно ухудшилось, когда он заметил, что ее глаза, некогда карие, вдруг стали поразительно синими.

Неистово стремясь к неограниченной власти, узнав, что в мире имеется средство, способное преодолеть смерть, и что она использовала его, не посоветовавшись с ним, он буквально обезумел.

Если бы тогда он просто обратился к ней, если бы коварно не предал ее, она бы отдала ему эликсир, вне всяких сомнений. Или все же нет?

Сейчас этого уже не узнать.

А тогда... Верные ей до той поры люди направили против нее свои копыта, и ей пришлось отказать.

Несмотря на великую силу, которую она обрела в результате своего перерождения, многочисленная царская стража одолела ее.

Они притащили ее в каменную гробницу, заранее подготовленную Сакносом. Пока же длилось все это унижение, организатор ее свержения перерыл ее покои и рабочий кабинет, и весь обнаруженный эликсир тут же раздал своим солдатам. Однако бесценную формулу, определяющую его состав, он найти не смог, поскольку все ингредиенты напитка бессмертия она предусмотрительно перемешала с другими своими порошками и тозирующими препаратами.

Это означало, что план Сакноса провалился.

Некогда преданные ей воины, осознав, что им дарована вечная жизнь и что им теперь не страшны смертельные прежде раны, просто сложили оружие и бросили своего лидера. Зачем им теперь нужен какой-то предводитель? Зачем охранять чье-то царство, если можно просто бесконечно осваивать этот мир, не боясь ни холода, ни голода, ни змеиных укусов?

Сакнос...

Нет, человек, который наблюдал за ними сейчас, не был Сакносом.

— Как только окажемся за городскими стенами, приготовь кольцо, — тихо обратилась она к слуге.

— Да, моя царица. — Энамон ладонью с длинными пальцами выразительно погладил кожаную сумку у себя на боку.

Они часто бывали в этих местах, выдавая себя за торговцев с земли Куш и ни разу не дав никому повода усомниться в этом. Их сумки были набиты специями и травами, многие из которых были собраны на горных вершинах, столь высоких и опасных, продуваемых свирепыми ветрами и немилосердно омываемых страшными ливнями, что туда не мог добраться ни один смертный. Но народ на рынке, конечно, этого не знал.

Путешествия в Иерихон наполняли ее сердце радостью — это были своего рода передышки в ее долгих скитаниях. Обширные, непригодные для жизни территории, куда она могла добираться благодаря своему бессмертию, имели свой особый язык; была какая-то неповторимая мелодия в шепоте ветров, шелестящих листвой необитаемых джунглей, и особая гармо-

ния в прерывистых шквалах, беснующихся на горных пиках. Но язык, на котором говорили в Иерихоне, рассказы о любви и смерти, о появляющихся новых городах звучали для нее музыкой, которая вызывала в ней трепетное чувство. Она внимательно слушала все сплетни и выдумки, которые пересказывали ей смертные, а потом, вернувшись в свой лагерь, записывала их в переплетенные кожей дневники из папируса — грубые книги, сделанные ее собственными руками. Их она, бережно пронося сквозь столетия своей жизни, поклялась хранить вечно.

Бектатен не могла допустить, чтобы ее любовь к этому городу омрачило внезапное появление бессмертных чужаков — бессмертных, созданных не ею.

Бессмертных, вроде того, который сейчас следовал за ними на расстоянии брошенного камня. Или того, который, широко расставив ноги, стоял у городских ворот и наблюдал за ними дерзким, пронзающим взглядом.

«За нами охотятся, — подумала Бектатен. — До кого-то дошли слухи о высоких темнокожих людях с синими глазами, которые время от времени приходят в Иерихон; они знают, кто мы такие, и пришли сюда, чтобы нас выследить».

Они прошли сквозь ворота и вошли в туннель. Энамон воспользовался темнотой, чтобы исполнить ее распоряжение. Вытянув одну руку в сторону, он подал ей знак держаться в нескольких шагах позади него. Бектатен повиновалась.

Энамон открыл свою кожаную сумку и вынул бронзовое кольцо с небольшим драгоценным камнем, которое она когда-то изготовила сама. Затем он передал его Актаму, и тот быстро открутил на нем камень. Под ним открылась крошечная полость с иголкой. После этого Энамон извлек из сумки маленький матерчатый мешочек.

Бектатен внимательно следила за его действиями.

Следующие несколько шагов могут быть роковыми для всех троих, но, пока содержимое мешочка не попало на кожу, они в безопасности.

Разве что ей не придется воспользоваться этим кольцом.

Как только кольцо было заправлено и камень встал на свое прежнее место, Энамон вручил его Бектатен и она надела смертоносное кольцо на свой длинный темнокожий палец.

Они продолжили свой путь, и ничто не указывало на то, что только что в руках у них появилось могучее секретное оружие.

И тут Бектатен увидела его.

Он стоял в тени возвышавшейся позади него прямоугольной башни и отчетливо вырисовывался на фоне освещенного ярким солнцем открытого пространства. На нем были такие же облегающие одежды, что и на его агентах, которых он послал следить за ее приближением.

Сакнос.

Человек, обрекший ее на бессмертную жизнь в каменной западне под землей. Человек, который в отчаянных попытках воссоздать волшебный эликсир перепробовал все растения в Шактану и даже сумел проникнуть в джунгли, куда она запрещала заходить своим подданным. Страшный мор, выпущенный им в итоге на свободу, уничтожил цивилизацию, некогда процветавшую по берегам далеких морей.

Из-за человека, стоявшего сейчас перед нею, она потеряла так много, что на мгновение лишилась дара речи. Но тем не менее при этом она не испытывала гнева.

А что она ожидала почувствовать, увидев его по прошествии всего этого времени?

Когда-то они были любовниками. И теперь вдруг ее невольно охватило неприятное чувство, что они с ним во многом похожи. «Ах, одиночество, непередаваемое одиночество, как же от тебя тоскливо сжимается сердце».

Таких, как они, очень мало. Очень мало тех, кто стал свидетелем падения первой со времен Атлантиды развитой цивилизации. Тех, кто видел эту обширную пустыню еще тогда, когда в ней росли деревья, блестели глади озер, водились разные звери, когда здесь красовались дворцы и храмы государства Шактану. Так было здесь до великого мора. До того, как невыносимо жаркое солнце выжгло принадлежащие Бектатен земли, изгнав выживших к истокам Нила, где они впоследствии

смогли основать новые империи, ныне носящие названия Египет и Куш.

В ней проснулось непреодолимая тяга к этому человеку, она почувствовала огромное желание общения с ним, несмотря на то что некогда он был готов обречь ее на вечный мрак.

Но ей тогда была уготована иная судьба. С того момента, как каменная плита накрыла ее гробницу, она стала осознавать, что без солнечного света ей придется медленно и постепенно угасать. Вскоре она погрузилась в спокойный сон, со временем перешедший в некое оцепенение, длившееся до тех пор, пока Энамон и Актаму не освободили ее, вновь открыв ее тело солнцу.

Но в то время Сакнос не мог ничего об этом знать. Оба они тогда еще слишком мало знали об эликсире. Сакнос же просто хотел превратить ее в прах.

Тем не менее сейчас она не могла отделаться от мысли, что видит в нем не любовника и не первого министра, а как будто своего брата по бессмертной жизни. Да, именно так — он представлялся ей родственником по их бессмертию.

Сакнос упал перед ней на колени, осторожно взял и нежно поцеловал ее руку.

Уклонились бы от этого знака внимания смертная женщина?

— Моя царица, — тихо сказал Энамон.

Она отвела свободную руку в сторону. «Оставайся там, где стоишь», — говорил ее жест.

— Ты в недоумении оттого, что я жива? — наконец спросила Бектатен. — Как ты можешь удивляться, если преследовал меня на всем пути сюда?

— Преследовал? Это не совсем точное слово.

— Тогда назови точное, Сакнос.

Он по-прежнему держал в руке ее ладонь, которую только что целовал. Чтобы поднять его с колен, достаточно было лишь легкого пожатия.

— Пойдем со мной, моя царица. Пойдем со мной, чтобы...

— Я перестала быть твоею царицей с тех самых пор, как ты закопал меня в землю!

Скорбное выражение лица, горестно понуренная голова, раскаяние, которое, казалось, исходило от него при каждом движении его сильного тела, — все это призвано было убедить Бектатен в его искренности. Но не убедило. Она понимала его истинные намерения — изолировать ее от Энамона и Актаму. И от своих людей тоже. Последнее обстоятельство заинтриговало ее.

— Я многое должен исправить, — прошептал Сакнос.

— Это правда, ведь ты украл мое изобретение.

— Твое изобретение? — переспросил он. В глазах его сейчас читалась только злость, всякие намеки на угрызения совести исчезли. — Ты искала лекарство, а не секрет вечной жизни. Ты больше не благодаришь богов за счастливую случайность этого открытия?

— О каких богах ты говоришь? Их было так много. Падение целого царства, Сакнос! Как ты собираешься исправить это?

— Ты не можешь возлагать вину за тот мор на меня.

— Не могу? Ты проник в джунгли, откуда еще никто не возвращался. Мы все знали, что там свирепствует болезнь. И все же ты уничтожил леса до основания.

— Потому что ты не отдавала мне формулу.

— Потому что ты просил ее под угрозой своих копий.

Сейчас уже было невозможно определить выражения его лица.

— Прошу тебя, Бектатен! Пойдем со мной.

Значит, он все-таки внял ее предостережению больше не называть ее своей царицей. Может быть, этим он в какой-то мере хотел показать ей свое повиновение? Возможно, и так.

— Всего несколько шагов. Не более.

Он потянулся к ее руке — той самой, на пальце которой было кольцо, — но она отдернула ее. Так они и шли рядом в сторону рыночного шума и суеты, не касаясь друг друга. Но пока намерения Сакноса оставались неясными, ее не покидало недоверие к нему.

— Если ты винишь меня в падении Шактану, может, дашь мне возможность отстроить твоё царство? — спросил он.

— Отстроить Шактану невозможно.

— Я не говорю о возрождении храмов, ставших сейчас песком пустыни.

— Храмы, превратившиеся в песок пустыни? Так вот как ты называешь то, что уничтожил? Наша империя простиралась за моря, и люди той эпохи не знали подобного размаха. Мы отслеживали движение звезд по картам, которые ныне обратились в прах. Края, о которых жители этого города не знают до сих пор, были нашими колониями, нашими сторожевыми постами, их населяли преданные нам подданные. И все это ты сейчас с пренебрежением называешь храмами из пустынного песка?

— Не нужно попрекать меня прошлым, когда я предлагаю тебе лучшее будущее, — прошептал он.

— Я слушаю тебя, Сакнос. Расскажи мне про это лучшее будущее.

— Народы на прилегающих землях требуют, чтобы мы взяли под контроль то, что прежде было Египтом. Но я прошел его вдоль и поперек. Там царит великий хаос, племена воюют между собой. Это шанс для нас, Бектатен. Возможность воспользоваться неразберихой и беспорядками, чтобы вернуть себе то, что мы утратили.

— То, что мы потеряли, восстановить нельзя.

— Тогда можно построить новое. Нечто большее.

— С какой целью?

— Чтобы навести порядок.

— Порядок? Ты одержим этой идеей до сих пор? Тебе дарована вечная жизнь, а ты рассуждаешь о чем-то большем. Это безумие. То же безумие, которое восстановило тебя против меня. И ты хочешь вновь, через столько столетий увидеть, что ничего не поменялось... у меня просто не хватает слов. Слов, которыми можно было бы тебя назвать.

— Этот город, Иерихон, не более чем кучка песка по сравнению с тем, что мы имели когда-то. А новая великая империя, которой станут править бессмертные люди, благодаря нашим познаниям и опыту могла бы стать началом новой эры.

— Так тебя все-таки привлекает не порядок, а власть.

— Ты же была царицей. И ты знаешь, что одного без другого не бывает.

— Как же так случилось, Сакнос, что ты совсем не изменился?

— Я и не искал никаких перемен! — резко ответил он.

— Понятно. И твое напускное раскаяние из-за того, что ты сделал со мной, было с твоей стороны лишь игрой, как я и предполагала.

Теперь он уже не опускал головы. И не отводил взгляда. В его синих глазах пылала ярость. Это была злость человека, которому в лицо сказали горькую правду.

— Так что избавь меня от этих твоих мечтаний о новом царстве. Я больше никогда не буду твоей царицей!

— Бектатен...

— Не роняй своего достоинства, Сакнос. Не унижай себя. Если ты действительно желаешь создать армию бессмертных воинов, у тебя для этого все есть. Не нужно искать моей поддержки, чтобы освободиться от своих сожалений. Ты предал меня. Это уже стало историей. Это наша с тобой история, и ее уже никогда не изменить.

— Это не так, — сказал он и крепко схватил ее запястье своей сильной рукой. — У меня нет всего того, что мне необходимо.

Ярость захлестнула его: ноздри его раздувались, глаза выкатились из орбит и сверкали белками.

— Формула... она искажена. Эти люди недолговечны. Они не такие, как мы с тобой. Они ущербны, они всего лишь «фрагменты». Я определил им максимум двести лет жизни. Они уйдут в небытие, и я буду вынужден создать новых. Мне нужен чистый эликсир. Мне нужен тот эликсир, который готовила ты.

Так вот почему он старался увести ее не только от ее людей, но и от своих также — он не хотел, чтобы кто-то услышал про его секрет. Чтобы кто-нибудь узнал, что где-то на свете существует эликсир более могущественный и действенный, чем тот, который есть у него, у Сакноса.

— Выходит, что и через тысячи лет ты продолжаешь искать то, что искал в последние часы нашего царствования, — заметила она. — Мечтаешь о том, чего я тебе никогда не отдам.

Внезапно он отпрянул от нее и пронзительно вскрикнул, подавая сигнал.

С обеих сторон туннеля вмиг появились люди, как две капли воды похожие на тех двоих, которые следовали за ними по дороге в город. Всего их было шестеро, все — с обнаженными кинжалами. Они мгновенно окружили Энамона и Актаму. Сакнос полностью устранился от происходящего, предоставив своим людям полную свободу в выполнении его ранее отданного приказа.

Агенты Сакноса сосредоточились на том, чтобы сорвать кожаную сумку, висевшую на бедре Энамона. Один из них схватил сзади Бектатен за руки, удерживая ее на месте. Однако к этому времени она уже успела открутить камень на своем кольце, оголив крошечный бронзовый шип.

Дальше никаких усилий не потребовалось. Она просто выгнула запястье и поднесла палец к предплечью удерживавшего ее мужчины. Кольцо прокололо его кожу, и он закричал от боли. Впрочем, если удушающий яд лилии сработает так, как было рассчитано, кричать ему предстояло недолго.

Покачнувшись, он отступил от Бектатен и осуждающе направил на нее указующий перст, который тут же обратился в пепел. Его широко открытые, полные ужаса глаза потемнели, и в тот же миг нижняя челюсть рассыпалась в пыль. Схватка молниеносно прекратилась, а отравленный Бектатен воин вдруг тяжело рухнул, превратившись в кучку одежды, присыпанную горсткой пепла.

Остальные нападавшие — «фрагменты», как назвал их Сакнос, — сразу разбежались, объятые паническим ужасом.

Она повернулась к Сакносу — у того был такой вид, будто и он готов броситься наутек.

Значит, было на этой земле нечто такое, что в одно мгновение могло уничтожить и его. Осознание этого буквально парализовало его, и он, затаив дыхание, недвижимо стоял с глазами навыкате.

Бектатен подняла драгоценный камень, который уронила на землю, и осторожно вкрутила его на место.

— Отныне ты будешь коротать свой век в тени чужих царств и больше никогда не будешь жить в царских дворцах, — тихо сказала она. — Если же ты посмеешь нарушить этот мой приказ, если не оставишь попыток создать армию бессмертных, я отыщу тебя, Сакнос, и покончу с тобой. И пусть это будет последним приказом, который ты услышал из уст твоей царицы!

На миг ей показалось, что ее бывший первый министр замер, не в состоянии оторвать взгляд от валявшейся в пыли кучки одежды его наемника. Затем его охватил такой лютей страх, какого он не испытывал уже много столетий. И в следующее мгновение он бегом ринулся мимо нее в сторону городских ворот.

Когда он исчез, Бектатен почувствовала, как ей на плечи легла сначала одна рука, а затем и другая. Энамон и Актаму снова стояли по обе стороны от нее, молча напоминая ей о своем постоянном присутствии и верности своему долгу сопровождать и защищать ее в вечности.

— Соберите пепел и эти одежды, — сказала она. — Мы отправляемся на рынок. Это славный город, где живут хорошие люди. И мы успешно изгнали из него его захватчиков.

— Да, моя царица, — прошептал ей в ответ Энамон.

ЧАСТЬ 1

1

1914: Неподалеку от Каира

МОЛОДОЙ ДОКТОР еще никогда не встречал столь обворожительной женщины, как та, которая лежала с ним сейчас. Ее страсть была ненасытной. Она неустанно жаждала его, и ее неумное желание казалось таким неукротимым, как жажда самой жизни.

Когда несколько дней тому назад он в первый раз посетил ее палату, его уверяли, что она неминуемо умрет. «Она обгорела с головы до ног», — причитали медсестры. Тело ее было извлечено из-под груды ящиков с самого дна товарного вагона. Никто не знал ни кто она такая, ни как долго ехала в этом поезде. И самое главное — как она вообще могла остаться жива.

Однако, когда он откинул полог москитной сетки, он увидел ее, настолько красивую, что, как ему тогда показалось, красота ее просто ослепила его. Черты ее абсолютно неповрежденного лица были совершенны, волнистые волосы, разделенные посередине пробором, напоминали две темные пирамиды по обе стороны ее головы. В сознании его почему-то промелькнули слова «судьба» и «рок». Впрочем, он тут же пристыдил себя за то, что возбудился при виде ее сосков, проступавших под прикрывавшей ее простыней.

— Вы очень красивый мужчина, — прошептала она.

Может быть, она была падшим ангелом? Иначе как еще можно объяснить такое чудесное исцеление? Как объяснить

полное отсутствие болей и проблем с потерей ориентации? Но было и еще кое-что: ее произношение. Идеальный, безукоризненный британский английский. А когда он спросил, есть ли у нее тут друзья, с которыми следовало бы связаться, она ответила очень странно и несколько загадочно: «Да, друзья у меня есть. А также есть условленные встречи, где я должна быть. И еще кое-какие счета, по которым нужно расплатиться».

Но больше об этих своих друзьях она не упоминала, вплоть до того времени, когда он увозил ее из того отдаленного поселения где-то на краю Судана. Эти часы, когда он сломя голову бросился в ее объятия, целиком отдавшись во власть по-змеиному волнообразных движений ее безупречного тела, были незабываемыми.

Поначалу она настаивала, чтобы они отправились в Египет. Когда же он поинтересовался, не в стране ли фараонов находятся ее друзья, о которых она упоминала, она ответила просто: «У меня много друзей в Египте, доктор. Их там великое множество». И снова улыбнулась своей обезоруживающей улыбкой.

Она обещала, что в Египте приоткроет часть своей тайны.

Она сказала, что в Египте объяснит ему, как может обходиться без сна, почему способна поглощать пищу в огромных количествах в любое время суток и при этом не набирать ни фунта веса. А также, возможно, даст какое-то объяснение пронзительно синему цвету своих глаз, столь редко встречающемуся у женщин средиземноморской внешности.

Но поделится ли она с ним самой любопытной подробностью о себе? Назовет ли она ему свое имя?

— Теодор, — тихо сказал он ей сейчас.

— Да, — отозвалась она. — Тебя зовут Теодор Дрейклифф. Славный британский доктор.

После всего времени, что они провели вместе, это выглядело так, словно они едва знакомы. Как будто слова эти содержали информацию, которую она должна была себе постоянно напоминать.

— Ну, полагаю, в глазах своих коллег я не такой уж и славный, — вздохнул он. — Славный доктор не станет бросать свой

госпиталь без всяких объяснений. И не сбежит с прекрасной пациенткой не раздумывая.

На это его замечание она не откликнулась снисходительным хихиканьем, какого можно было бы ожидать от большинства тех невыносимо скучных женщин из Лондона, на которых его хотели женить его родители. А она просто молча устремила на него свой синий взгляд. Возможно, она не поняла его иронии или же почувствовала, что он далеко не все ей рассказывает.

Его репутация в клинике была определенно неважной. Он хорошо поработал в том отдаленном поселении, однако в эту глушь был сослан из-за чудовищной ошибки, которую несколько лет тому назад допустил по молодости. Сразу после окончания медицинской школы, отчаянно стремясь продемонстрировать свою компетентность перед старшими коллегами, он, начиная уже с первых дней своей практики, не соизволил снизить до того, чтобы задать своим опытным сослуживцам ни одного профессионального вопроса, задать которые следовало бы. В результате он едва не оставил калекой одну свою пациентку, прописав ей недопустимую дозу лекарства.

Впрочем, «недопустимая» — это еще мягко сказано, потому что его коллеги для описания случившегося использовали другие эпитеты. Например, смертельная, также преступная. Он чудом остался практиковать, только по милости божьей. Его жестоко распекали за то, что свое тщеславие он поставил выше здоровья пациентки, и согласились не давать огласки его проступку только при условии, что он либо вообще откажется от медицинской практики, либо уедет из Лондона.

Их жалкое лицемерие вызвало в нем чувство горького удовлетворения. Им было все равно, навредит ли он еще кому-нибудь где-то на другом конце света, лишь бы только последствия этого не прокатились по всей Британской империи и не ударили по ним.

«Вот уж действительно тщеславие», — подумал он тогда.

Вот так молодой доктор и начал практиковать в местах, которые его прежние коллеги по профессии называли «африканской глушью». Когда он приехал сюда, он был другим: дерзким, заносчивым, но в то же время избалованным и испорченным.

Африка изменила его, продемонстрировала ему слабости Британской империи и пределы ее влияния, открыла ему чудесные явления, которым христианская церковь в его юности не дала не только объяснений, но даже названий.

Например, она. Действительно, о ней было проще думать как о явлении природы, чем как о живом человеке.

Само слово «человек» было для нее слишком прозаичным, чтобы описать всю ту невероятную магию, которую являло собой это существо.

И тем не менее, даже когда они лежали голые, переплетаясь руками и ногами, а лицо ее сияло счастливым блаженством, мысли его все равно были заняты вторым в его жизни и, похоже, роковым для него скандалом, который он, несомненно, вызвал своим внезапным исчезновением из госпиталя.

В первый раз на то, чтобы избежать громкой огласки, на путешествие до Судана и на расходы в первые месяцы после переезда ему хватило относительно небольшой суммы денег. Теперь же он был не в состоянии точно оценить, во что ему в конечном счете обойдется потеря профессиональной репутации. И мог ли он вообще такое себе позволить. О том, чтобы вернуться домой, к своей семье, не было и речи. Когда он подсчитал издержки этого путешествия, оказалось, что у него практически не осталось денег даже на проживание. Аренда двух автомобилей — один для палаток, продовольствия и нанятых рабочих, второй для них самих — плюс оплата двух шоферов. Провианта и воды достаточное количество, хватит на много дней. А может, не хватит, если непомерный аппетит его прекрасной спутницы в какой-то момент не уймется. А еще динамит. Несколько ящиков угрожающих динамитных шашек.

Однако она пообещала ему, пообещала всем им, что того, что они найдут в конце своего пути через эту пустыню, хватит с лихвой, чтобы погасить все свои долги раз и навсегда.

Было тихо, лишь полог палатки похлопывал под ветром, веющим из пустыни. Издалека доносился приглушенный смех водителей их авто. Он сказал им, чтобы они держались от палатки на приличном расстоянии, и пока что они его слушались.

— Тедди, — прошептала она.

Кончики ее пальцев скользнули по его щеке.

Он был так удивлен этим неожиданным прикосновением, что невольно вздрогнул.

— Скоро я назову тебе свое имя, — снова шепотом сказала она.

* * *

Затыкая уши пальцами, он чувствовал себя глупым мальчишкой. Он никогда в жизни не находился вблизи взрыва и просто не знал, чего ожидать.

А его прекрасная спутница не выказывала ни тени страха, глядя, как их люди с динамитными шашками в руках скрываются среди скал впереди них.

Перед ними лежал островок из острых шпилей выветрившегося песчаника, которые словно образовывали редкую изгородь вокруг высокой насыпи из золотистого песка. Про археологические раскопки в Египте Тедди знал очень мало, практически только то, что во время раскопок на большой территории разбивают целую сеть больших и маленьких палаток. Но здесь никаких следов раскопок видно не было.

Они находились в двух днях езды от Каира, в каком-то богом забытом месте. Тем не менее она привела их сюда абсолютно уверенно, ориентируясь только по звездам. И теперь, когда их люди, подпалив кончики бикфордовых шнуров, бегом бросились врассыпную, тело ее напряглось, словно в ожидании наслаждения, если судить по ее вызывающей позе, близкого к сексуальному.

Он еще глубже затолкал пальцы в уши.

Рабочие на бегу тоже прикрыли свои уши ладонями.

От взрыва песок у них под ногами содрогнулся и в воздух взмыло облако дыма. А его компаньонка захлопала в ладоши. Она хлопала в ладоши и радостно улыбалась, как будто динамит обладал колдовской силой, такой же могущественной, как и та, которая, по ощущениям Тедди, исходила от нее самой.

Когда дым рассеялся, он увидел, что одну сторону песчаного холма словно сдуло. Открывшийся в камне проход был разворочен

взрывом, и его неровные острые края торчали, словно гнилые корявые зубы.

Землю эту никто не тревожил веками, однако женщина точно знала местоположение этого похороненного в толще песка древнего храма.

Египетские рабочие в ужасе отшатнулись.

Было ли там действительно нечто такое, чего следовало бояться?

Не так давно пресса оживленно писала о том, что один магнат, владелец могущественной британской транспортной компании, обнаружил мумию в гробнице. Многочисленные надписи, обнаруженные в гробнице, указывали на то, что это место последнего упокоения Рамзеса Проклятого. Также внутри были найдены предметы римской мебели и женская статуя, предположительно изображавшая Клеопатру, последнюю царицу Египта.

Журналисты тогда на все голоса дружно утверждали, что все это бред, полная чушь. Рамзес II правил за тысячу лет до правления Клеопатры. И тело его покоится в Каирском музее. Это известно каждому!

Но когда египтолог, вскрывший гробницу, упал за смертью прямо в ее стенах, в научных кругах вновь разгорелись горячие споры о древних проклятиях. Последнее, что читал об этом Тедди, касалось того, что, по требованию дочери покойного археолога, мумию отправили в Лондон. Теперь он припомнил и их фамилию — Стратфорд. «Интересно, где она ее поместила, — подумал он. — У себя в гостиной? Как омерзительно! Очевидно, она определенно не боялась никаких проклятий мумии».

Однако все эти люди, окружавшие его сейчас, скорее всего, боялись не столько проклятий, сколько той женщины, которая привела их сюда.

Свет его фонаря не проникал далеко вглубь темного прохода. Она шла впереди по самой границе светового пятна, но он заметил, что ее как будто тянет во мрак. Эта гробница со всеми ее тенями по углам, казалось, была ей хорошо знакома.

И вдруг свет его фонаря упал на груды сокровищ впереди. Тедди тихо ахнул. Женщина остановилась, ожидая его, затем

еще немного подождала, пока все помещение залило ярким отраженным светом, как будто там горела целая дюжина свечей.

В волнении он принялся оглядываться по сторонам в поисках саркофага или каких-то следов иссохшей мумии, покоящейся вечным сном в этом зловещем месте. Но повсюду видел лишь кучи старинных монет — это оказалось древнее хранилище несметных сокровищ. А его прекрасная компаньонка лениво расхаживала среди этого великолепия, на ходу рукой сметая с гор золота пыль и песок. Здесь также возвышались небрежно расставленные вдоль стен статуи разных размеров. Похоже, их занесли сюда в спешке в последний момент, просто чтобы сохранить.

— Откуда ты знала, что все это находится здесь? — спросил он.

— Потому что сама приказала своим солдатам сложить это все сюда, — ответила она.

Его нервный смех прозвучал сдержанно и недоверчиво. Но тут взгляд его упал на лицо ближайшей к нему каменной статуи. Воздух в легких вдруг куда-то пропал — вместе с ощущением реальности происходящего.

— Ты был очень добр ко мне, Тедди, — сказала женщина. — Могу я рассчитывать на твою доброту и в дальнейшем в обмен на часть этих богатств?

Он попытался что-то ответить, но вместо этого лишь издал какой-то сиплый, сдавленный хрип — нечто похожее было с ним, когда он чуть не задохнулся, подавившись куском стейка.

Ее сладкое дыхание уже было у самого его уха, изящные руки обвивали его сзади, а влажные губы нежно касались его шеи. Она была осязаемой, дышащей, живой. Статуя, в упор глядевшая на него, была поразительно похожа на эту женщину — как, впрочем, и все остальные статуи, спрятанные в этой подземной усыпальнице. То же совершенное лицо, те же волосы цвета воронова крыла, та же кожа насыщенного оливкового оттенка. Только вот цвет глаз был другой. У всех статуй глаза были черными, а не синими, хотя имели точно такую же форму и казались такими же, как у нее, выразительными и осмысленными, полными жизни даже под слоем пыли.

— Современный человек, взглянув на эту усыпальницу, просто обвинил бы меня в том, что я ограбила свое царство в последние часы своего правления. Что не верила в собственного любовника. В то, что сражение при Акциуме остановит продвижение Октавиана.

Октавиан. Акциум. Женщина, которая никогда не спит и не может умереть. Женщина, которая стоит перед ним и позади него. Она живая, живая, живая...

— Но это же не... — запнулся доктор, — невозможно. Это просто... невозможно.

— Никто так не знает этого, как знаю я: главная защита империи заключается в ее богатстве, а не в армии. Именно богатство долгие годы обеспечивало нам мир с Римом. Богатство и наше зерно. Таким образом, ваши историки находят определенный смысл в том, что в последние часы моего царствования, в последние часы своего пребывания на троне меня в основном заботили мои сокровища, не так ли?

Она сделала паузу, а затем продолжила:

— Но, видишь ли, они ошибаются. И ошибаются очень серьезно. Даже когда уже стало ясно, что Октавиана не остановить, когда я приняла решение оборвать свою жизнь, прибегнув к змеиному укусу, меня тем не менее не покидала мысль, что мои изваяния будут уничтожены римскими солдатами. Пусть история увековечила меня как царицу-развратницу, но Изида тому свидетельница: я не сдалась и не позволила римским ордам надругаться над моими изображениями.

Он понял, что речь шла не только о ее статуях, а также и о монетах, на каждой из которых было отчеканено ее лицо, и вообще о ее сокровищах. Все было спрятано в этом склепе и хранилось здесь более двух тысяч лет.

— Мой дорогой Тедди, спроси меня еще раз, — еле слышно сказала она. — Спроси меня, как мое имя.

— Как твое имя? — послушно прошептал он.

Она медленно развернула его к себе и взяла его лицо в свои изящные ладони, обладавшие тем не менее сверхъестественной

силой. Однако поцелуй ее был нежным и долгим, и при этом она пристально смотрела ему в глаза.

— Клеопатра, — наконец ответила она. — Мое имя Клеопатра. И я желаю, чтобы ты показал мне все радости этого нового мира, чтобы я могла в полной мере разделить их с тобой. Понравилось бы тебе такое предложение, Тедди?

— Да, — едва выдохнул он. — Да, Клеопатра.

* * *

И она поведала ему невероятную сказочную историю. Историю про бессмертие и пробуждение от вечного сна, про ужасные и трагические события.

Она рассказывала о своей смерти как о прекрасном огромном озере непроницаемой тьмы, из которого ее внезапно вытянули.

До того как тело ее было обнаружено, оно сберегалось в целых грядках дельты Нила. А потом несколько десятилетий лежало в Каирском музее, в стеклянном футляре, к которому была прикреплена скучная, ничем не примечательная табличка, на которой значилось: «НЕИЗВЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА, ПЕРИОД ДИНАСТИИ ПТОЛЕМЕЕВ». С тех пор бесчисленное множество разных историков и обычных туристов пялились на нее сквозь стекло, не подозревая, что рассматривают лицо, которым в свое время любовались Цезарь и Марк Антоний.

И вот два месяца тому назад ее узнали, узнали даже после ее смерти; и признал ее один человек из ее древнего прошлого, который вновь живет на этой земле.

Рамзес! Выходит, это все-таки было правдой, все эти дикие бредни в газетах про недавно обнаруженную гробницу, про находившуюся в ней мумию, про оставленные там свитки, подтверждавшие, что здесь действительно покоится Рамзес II, один из величайших фараонов Египта. Римская мебель внутри, немыслимые басни про бессмертного советника, который в течение тысяч лет служил многим великим правителям Египта, содействуя им своими рекомендациями. Все перетолки, столь категорично отменявшиеся многочисленными учеными и историками, вдруг оказались

чистой правдой, а женщина, которая сейчас стояла перед ним, воскресшая и вполне живая, — лучшее тому доказательство.

Рамзес II. Она утверждала, что он и теперь находится среди них. В Лондоне, по-видимому. А может быть, где-то в другом месте — этого Клеопатра не знала. Но она знала наверняка, что он был разбужен солнечным светом, когда его гробница была вскрыта и его тело было переправлено в Лондон. Каким-то невероятным образом оказавшись в Каирском музее, он узнал ее и пробудил с помощью того самого эликсира, который даровал бессмертие и ему самому и который он когда-то, будучи фараоном, отобрал у одной безумной хеттской жрицы во времена своего правления Египтом.

Их нынешняя встреча было полной противоположностью их первой встречи за две тысячи лет до этой. Старые жрецы из Александрии рассказали ей легенду о мудром бессмертном советнике, которого пробудил от вечного сна ее собственный прадед. Она тогда посмеялась над словами жрецов и потребовала, чтобы ее отвели в усыпальницу этого так называемого бессмертного. Увидев внутри иссохшую мумию, она приказала открыть створки гробницы, чтобы осветить это мрачное место солнечными лучами. Ее презрение к древней молве и мифам моментально сменилось благоговейным изумлением, когда безжизненное тело, искупавшись в божественных лучах небесного света, прямо на каменной плите стало обрастать кожей и волосами и когда постепенно начали проступать черты благородного красивого лица.

Сказки оказались правдой! А человек, которого она тогда пробудила, сам Рамзес Великий, в течение долгих лет после этого был ее главным советником и любовником.

Но потом она столкнулась с коварной изменой, ее предали.

Рамзес одобрил ее любовную связь с Цезарем и даже советовал укреплять ее. Зато в Марке Антонии он разглядел виновника неизбежной гибели своей царицы. Поэтому, когда она пришла к нему накануне сражения при Акциуме и попросила эликсир — не для себя, а для своего любовника, чтобы тот мог сформировать бессмертную армию и остановить наступление

Октавиана, — Рамзес ей отказал. И тогда она, в полном отчаянии, решила покончить с собой, применив змеиный яд.

А что же произошло теперь?

В этом недавно начавшемся столетии Рамзес присоединился к группе лондонских аристократов, друзей и родственников Лоуренса Стратфорда, человека, который обнаружил его гробницу и вскоре после этого скончался. Вся эта группа отправилась в Египет. С какой целью, Клеопатре было неизвестно. Она знает только, что, когда Рамзес увидел ее мертвое тело в музее, его охватила такая безграничная печаль, что он сделал то, чего раньше никогда не совершал.

Он вылил свой бесценный эликсир на ее останки. А затем, видимо, сбежал, оставив ее в полном смятении, доходившем до иступления, которое охватывало ее в первые дни после пробуждения. Впрочем, свое безумие она описала Тедди только в самых общих чертах.

Он и не настаивал на подробностях.

Но было ясно, совершенно понятно, что Рамзес, придя в ужас от содеянного, просто скрылся, поручив заботу о Клеопатре одному из членов их странствующей компании, а именно Эллиоту Савареллу, графу Резерфорду, который путешествовал вместе со своим сыном Алексом. И тут, когда ее повествование дошло до роли Алекса во всей этой истории, неожиданно взгляд ее затуманился и стал рассеянным. Она с чувством повторила это имя дважды... Алекс... Алекс Саварелл. Как будто само упоминание о нем уже переполняло ее эмоциями. Как будто произнести это имя было невероятно трудно для нее.

Что она испытывала, вспоминая этого мужчину, лондонского виконта? Злость, угрызения совести, горе утраты, разбившее ей сердце? За этим, без сомнения, что-то крылось. Между нею и Алексом было нечто такое, что даже теперь приводило ее в замешательство, уводило ее мысли в сторону.

В ее рассказе были и другие туманные моменты, когда она надолго умолкала; можно было догадаться, что такие паузы вызваны либо чем-то, что стерлось из ее памяти, либо эмоциями, которыми она не желала делиться. А еще по этому тягостному

молчанию Тедди каким-то шестым чувством ощущал, что в те первые дни ее безумного пробуждения, когда она еще не могла толком понять, кто она на самом деле, она, возможно, отняла чью-то жизнь.

Что ж, так тому и быть.

Она была существом, неподвластным законам природы. Кто он такой, чтобы применять к ней законы человеческие?

— Это был несчастный случай? — все-таки спросил он. — Ну, когда ты так страшно обгорела?

Это были его первые слова за последний час. Ветер наконец утих и больше уже не уносил в сторону возбужденные разговоры рабочих, собравшихся неподалеку от их палатки. Их волнение было вполне объяснимо: ведь она пообещала им часть тех несметных сокровищ, к которым вела их весь сегодняшний день.

— Да, несчастный случай, — подтвердила она. — Это был прискорбный несчастный случай.

Она могла ничего не объяснять больше.

Значит, все закончилось плохо. Наверное, даже трагично. С этим бессмертным Рамзесом уже и так связаны две печальные кончины, и она просто не хочет выносить на свет еще одну. Однако в те первые часы после своего чудесного исцеления она потихоньку давала ему понять, что речь идет о мести. И он вдруг отчетливо уяснил, что готов сделать для нее все, о чем бы она его ни попросила.

— Значит, ты хочешь встретиться с этими людьми снова? — спросил он, уже зная наперед, что она, скорее всего, собирается причинить им вред.

Некоторое время она неотрывно смотрела на него. Ему хотелось верить, что она оценивает его, пытается определить, достойный ли он компаньон теперь, когда она все ему рассказала. Он догадывался, что это маловероятно, и это причиняло ему боль. Было тягостно сознавать, что она, погруженная в какие-то свои сокровенные мысли, смотрит сквозь него куда-то дальше.

— Всему свое время, — глухо сказала она. — Всему свое время.

— А что ты собираешься делать теперь?

ЭНН РАЙС является автором тридцати шести книг, включая серии «Вампирские хроники» и «Мейфэрские ведьмы». Живет в Южной Калифорнии.

annerice.com

КРИСТОФЕР РАЙС до тридцатилетнего возраста выпустил четыре романа, вошедшие, по версии «Нью-Йорк Таймс», в список бестселлеров, и дважды номинировался на премию Брэма Стокера. На одном из каналов YouTube он является соведущим шоу «Званый ужин с Кристофером Райсом и Эриком Шоу Куинном» (thedinnerparty.com).

christopherricebooks.com

Содержание

Пролог.....	7
Часть 1	21
Часть 2	124
Часть 3	251
Часть 4	366
Эпилог.....	399
Об авторах	413

Літературно-художнє видання

РАЙС Енн, РАЙС Крістофер
Пристрасть Клеопатри

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 03.10.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

РАЙС Энн, РАЙС Кристофер
Страсть Клеопатры

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 03.10.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Життя Реджиналда Рамзі нічим не відрізняється від життя пересічного англійця XIX століття. У нього є прекрасна наречена Джулія, він заможний і шанований. І жодних плям на бездоганній репутації. Однак Реджиналд приховує таємницю: насправді він — великий єгипетський правитель Рамзес, який повернувся до життя завдяки еліксиру безсмертя. Так само він відродив могутню і прекрасну царицю Клеопатру, усупереч її бажанню. Але ні Рамзес, ні Клеопатра ще не знають, що незримою тінню над ними нависла сила, яка може подарувати вічне життя. Або забрати його...

Райс Энн, Райс Кристофер

P18 **Страсть Клеопатры** : роман / Энн Райс, Кристофер Райс ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 416 с.

ISBN 978-617-12-4965-3

ISBN 978-1-101-97032-4 (англ.)

Жизнь Реджиналда Рамзи ничем не отличается от жизни обычного англичанина XIX века. У него есть прекрасная невеста Джулия, он состоятелен и уважаем. И никаких пятен на безупречной репутации. Однако Реджиналд скрывает тайну: на самом деле он — великий египетский правитель Рамзес, возродившийся с помощью эликсира бессмертия. Так же он возродил могущественную и прекрасную царицу Клеопатру против ее желания. Но ни Рамзес, ни Клеопатра еще не знают, что незримой тенью над ними нависла сила, которая может даровать вечную жизнь. Или забрать ее...

УДК 821.111(73)